

ПОДОЗРЕНИЕ КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Е.А. СЕРГОДЕЕВА

Подозрение как рефлексивность

Подозрение, несмотря на очевидные негативные коннотации, связанные как с юридическим контекстом этого термина, так и с собственно эмоциональными переживаниями каждого, очутившегося на месте подозревающего или подозреваемого в обычной жизненной ситуации, играет значительную роль в развитии философии, человеческого разума вообще и, в конечном счете, в самоопределении и самопрезентации человека в культуре. Аристотель, определив удивление в качестве одного из источников философии, подчеркивал ее изначальную рефлексивность, способность подвергать сомнению не только «здравый смысл», инструментальное знание, опыт, но и саму себя, свои методы, роль и значение (можно даже сказать, злободневность) для текущих социальных и культурных событий. Как пишет В.С. Библер, «философия есть по определению (в своем начале), критика мифа. Философия... критикует не частные истины или теории, она — культура сомнения в существующей логике, в ее всеобщности, культура сомнения в «само-собой-разумеется», в самих критериях истинности (в мифе). Это — критика мысли в ее тождестве с бытием»¹.

Классическая античная философия, особенно у Аристотеля, определяется как рационально-методологическое сознание. Она состоит в разработке и обосновании средств и форм разумной деятельности мышления, которое противопоставляется хаотическому движению мысли, подверженной эмоциональным импульсам и догматическим структурам верований. Однако при этом философский разум предполагает этическое и эстетическое измерения, мысль сопрягается с нравственным усилием, поэтому удивление вовсе не сводится к «спокойному» рациональному сомнению и не исчерпывается даже эмоционально окрашенным недоверием. Рациональность, формирующаяся в виде философского разума, выступает не только как критика традиционной мифологии, но и как преемница сакрального сознания. Как отмечает А.Ф. Лосев, философия открывает недоступные обыденному сознанию слои бытия². Это требует личностных усилий и не является беспристрастной констатацией положения дел. Философы, сомневаясь в точке зрения обывателя и разыскивая выход за пределы обыденных структур опыта, подозревают о сокрытии истины, что порождает различные стратегии «очищения» сознания, попытки конституирования истинной субъективности и т.п. Данная тенденция, отчетливо прослеживаемая практически во всех исторических формах философской мысли от Декарта и Канта до

феноменологов и аналитиков, в нынешней ситуации приобретает новое звучание, обусловленное изменившимся статусом субъекта в современной культуре.

Идеология Модернити и возникновение традиции подозрения

Что касается самого понятия современности, то оно, при всей своей общеупотребительности, не лишено проблематичности. Прежде всего, это касается текучести современности, возможности ее рассмотрения не только в диахроническом, но и в синхроническом аспектах. В более значительной степени проблематичность проявляется в напряженных отношениях между классически определяемой современностью (Модернити) и тем, что идет ей на смену — постмодерном, поздним модерном и т.д.

Одной из первых общепринятых характеристик модернового общества было его обозначение в качестве рационального. Процесс рационализации, сопровождающий становление индустриального западноевропейского общества описан в классической социальной теории еще М. Вебером. В данной парадигме рационализация рассматривается как вытеснение целерациональным действием всех остальных видов рационального действия. При таком подходе Модерн предстает в качестве «посттрадиционного» социального порядка, отличительными особенностями которого становятся рациональность, инновации и прогресс. А. Турен, обобщая характеристики современности, подчеркивает, что Модернити — это приверженность европейскому рационализму, отношение к природе как к объекту приложения своих сил и знаний, распространение идей социального равенства и личной свободы, индивидуализм и готовность человека к постоянным переменам в производстве, потреблении и образе жизни. Он пишет: «Идея модерна в своей наиболее амбициозной форме заключается в утверждении о том, что человек есть то, что он из себя делает; в утверждении о существовании тесной связи между производством, становящимся все более эффективным благодаря использованию науки, технологии управления; организацией общества, опирающейся на закон; и жизнью индивида, руководствующегося интересом и желанием освободиться от всяких ограничений. А такое соответствие между научной культурой, упорядоченным обществом и свободными индивидами должно базироваться на разуме»³.

Можно сказать, что возникновение современности связано, прежде всего, с формированием рационального субъекта, идейные основания которого были определены в классической философии и заложены в новоевропейской науке. Именно научная рациональность, по мнению идеологов Модернити, выводит мышление на стадию независимости от прежних традиций и ограничений, а, значит, способствует становлению субъектной активности человека. Поэтому наука начинает вос-

приниматься как универсальное средство прогрессивного развития человека и социума. Акценты на автономии и свободе индивида, его самоценности, инициативе, самореализации подчеркивали кардинальное изменение ориентиров современности. Разум, очищенный от предрассудков, объективно изучающий мир, рассматривался в качестве важнейшего проявления человеческой природы. В системе установок современной новоевропейской культуры фиксировалась особая ценность прогресса науки и техники, а также убеждение в принципиальной возможности рациональной организации социальных отношений.

Современность, на первый взгляд, снимает основания для философской «подозрительности». Рациональной субъективности противостоит вполне проницаемый для разума, лишенный скрытых смыслов объективный мир. Однако на деле ситуация оказывается вовсе не такой однозначной. Впервые опыт новой субъективности был сформулирован Декартом. Обосновав различие протяженной и мыслящей субстанций, он открывает дорогу автономности человеческого разума от естественного мира. В то же время такой разрыв между разумом и миром не мешает человеку получать объективные знания о нем, поскольку возможность истины гарантирована Абсолютом. Объективным считается только то знание, из которого удалено все, относящееся к субъекту и средствам его познавательной деятельности. Этому убеждению соответствует и классическая трактовка истины как бессубъектности. Трансцендентальная философия Канта несколько смещает рассмотрение проблемы субъекта, здесь сознание представлено как спонтанная творческая активность, конструирование или синтез мыслей и образов из внешних восприятий и расщепленных форм. Если человеческий разум отделен от внешнего мира и противопоставлен ему, то единственной реальностью, доступной сознанию, оказывается собственный опыт субъекта, а познание сводится к субъективному истолкованию, наделению мира смыслом со стороны разума, а не открытию его собственного смысла. Для решения проблемы Кант выделяет особый слой субъективности — трансцендентальный, — являющийся надындивидуальной структурой, который и обеспечивает общезначимость и объективность познания. Кант тем самым привлек внимание к тому, что любое человеческое знание есть истолкование, объект познания сконструирован субъектом, а поэтому человек познает мир таким, каким он представляется нашему разуму. Основания для сомнений в неподлинности мира и невозможности проникновения в его суть у философов, таким образом, оставались, а дальнейшие тенденции развития современности только укрепили их.

Первоначальная эффективность модернизационной стратегии способствовала утверждению и активному распространению ее

мировоззренческих и практических установок. Однако мировой опыт социального развития второй половины XX столетия привел к переосмыслению теории модернизации и инициировал появление новых подходов к пониманию современности. Симптоматично, что примерно в это же время начинают подвергаться сомнению ценности научной рациональности, разворачивается острая критика науки, возникают контрнаучные движения. Впрочем, и сама научная рациональность в середине прошлого века кардинально меняется, постепенно ослабевают требования к жестким нормативам научного дискурса, это приводит к тому, что проблема рациональности научных построений становится нетривиальной. Подвергаются отрицанию идеи истины и объективности, одновременно с этим появляются антисциентистские концепции, подвергающие критике науку и пессимистично настроенные к ее способностям обеспечить прогрессивное развитие.

Однако еще раньше, во второй половине XIX в., начинает подвергаться переосмыслению другое фундаментальное положение идеологии современности — идея автономного самосознающего субъекта, что дает начало формированию, по выражению П. Рикёра, «школы подозрения», представленной именами Маркса, Ницше и Фрейда. «Все трое, идя различными путями, попытались привести в соответствие свои «сознательные» методы расшифровки с “бессознательной” работой шифровки, которую они приписывали воле к власти, социальному бытию, бессознательному психическому»⁴. Установив новые отношения между явным и скрытым, они зафиксировали факт вторичности сознания, его детерминированности внешними факторами, а, значит, поставили под подозрение саму субъективность.

Однако, акцентируя внимание на обусловленности сознания, эти философы не уточняют, что же собственно оно собой представляет. Поэтому своеобразную альтернативу «школе подозрения» составляет феноменология, в которой проводится различие между самим сознанием и взаимодействием сознания с другими видами опыта (тела, деятельности, социальным). Провозгласив девиз: «Назад, к самим вещам!», Гуссерль подчеркивал необходимость создания новой науки — о феноменах сознания, под которыми он понимал содержание мыслей, переживаний, восприятий и прочей активности сознания, наделяющей смыслом все «вещи». Вместо мира материальных объектов или процесса познания, он призвал исследовать универсум значений или сферы смысла, благодаря которым мы упорядочиваем опыт мира.

Очищенный от теоретических наслоений, идущих от мира к сознанию, этот опыт позволяет обращаться к бытию из самого сознания — благодаря непосредственной данности феноменов. Основная особенность чистого сознания заключается в том, что оно концентрирует в

себе сущностные структуры сознания, представляющие собой результат свободного мыслительного конструирования. Эти сущностные структуры предшествуют реальному существованию, т.е. обладают логической независимостью от конкретного многообразия фактов сознания и представляются с очевидностью. В.И. Молчанов по этому поводу отмечает: «В феноменологии Гуссерля исследование сознания как особого поля, как особого региона бытия, не означает ухода в некий замкнутый мир ментальных сущностей. По замыслу Гуссерля, исследования интенционального бытия сознания, бытия, направленного на многообразные виды предметностей, образуют науку, равную по объему естествознанию, то есть науку, предмет которой — многообразные виды смыслоформирования, придания смысла, понимания смысла, сочетания актов сознания, в которых формируется смысл, и понятого, обнаруженного или сформированного смысла»⁵. Источником смысла является донаучный жизненный мир, который складывается из первоначальных очевидностей повседневного опыта и служит фундаментом для всякого теоретизирования. Кризис европейской культуры вытекает как раз из утраты субъективности, из-за того, что разум, «онаучившись», потерял связь с человеческой жизнью, ее смыслом и ценностями. У европейского кризиса, считает Гуссерль, два выхода: либо ненависть к духу и варварство, либо возрождение в духе философии, в последнем случае разум должен от наивной обращенности вовне вернуться к самому себе как производителю всех смыслов и значений.

Однако феноменологическое стремление к преодолению подозрительности, несмотря на достаточно широкое распространение этого движения в европейской философской традиции, не становится мейнстримом. Новые импульсы развитию «школы подозрения» дает структурализм, сторонники которого рассматривают все явления, доступные чувственному восприятию, как «эпифеномены», т.е. как внешнюю манифестацию внутренних, и поэтому «неявных» структур, вскрыть которые они и считали своей задачей. Радикализации традиции подозрения способствует и сама социокультурная ситуация последней трети прошедшего века, зачастую характеризующаяся как постсовременность.

Постсовременность и радикализация подозрения

Критика теории модерна в конце XX в. привела к появлению целого спектра новых концептуальных моделей современности. Наиболее распространенной характеристикой общества и культуры становится их обозначение с приставкой «пост-», что предполагает преодоление в современной социальной ситуации предыдущих трендов развития: традиционности, рациональности, модернизации и т.д. Одной из версий такого переосмысления является постмодернистская философия,

которая предлагает как эпистемологическую, так и теоретическую альтернативу научным построениям социальной теории модерна. Постмодерн или конец модерна приводит к ситуации, которую Ю. Хабермас называет «новая непросматриваемость» или «новые потемки», и которая, в сущности, соответствует фундаментальной утрате ориентаций социального и культурного развития. Это проявляется, по крайней мере, в трех моментах. Во-первых, — это конец веры в разум и крушение традиции рационализма. Во-вторых, постмодерн означает «конец возможности мыслить идею единства и всеобщности (тотальности)»⁶. Третьим аспектом постмодерна является отказ от принципа субъективности. Человеческая личность, понятая как автономный субъект, перестает быть основополагающим культурным фактом, чем констатируется кризис модернистской традиции гуманизма, утверждавшей самоценность и высшее достоинство человека как личности. Основной характеристикой общества постмодерна Р. Рорти считает разрушение смысловой целостности. «Сколь ни различны между собой разные определения слова “postmodern”, большинство из них так или иначе выражают ощущение, что потеряна целостность... ощущение, что недавно все на свете распалось на куски, имеет своей причиной то обстоятельство, что отказ от традиционной тео-логико-метафизической веры в Единство Реальности и Истины (веру в то, что есть Одно Истинное Описание того, Какова Истинная Реальность) совпал с упадком веры в то, что мир непременно станет лучше; что история в один прекрасный день завершится всеобщим принятием эгалитарных, демократических обычаев и институтов»⁷.

Один из мифов-нарративов Модерна базируется на идеях научности, рациональности, истины и претендует на создание решений-рецептов, опирающихся на истину и, в силу своей особой эффективности, всегда и везде применимых. Во время Модерна была осознана и легитимирована разница между просто сообщением, повествованием (дискурсом) и научным знанием, которое приобрело статус экспертного, а значит, обнаружило властный и репрессивный потенциал. Как справедливо пишет В.И. Пржиленский, «главным противником филопопии выступает традиция академического понимания науки как предельно объективного и бесстрастного поиска истины, в принципе исключающая обсуждение познания в терминах интриги, подозрения и, тем более, разоблачения... И неслучайно главным объектом разоблачения сегодня становится сама академическая традиция, сама наука и провозглашаемые ею истины»⁸.

М. Фуко обосновывает тезис о том, что научный дискурс не противостоит дискурсу власти, а является одним из его вариантов, причем научный дискурс связывается с формированием дисциплины — анонимной системы, играющей роль контрольной инстанции над производством дискурса и реализующей функции власти — принуждения

и ограничения. Научное знание лишается объективного статуса, рассматривается как результат действия социальных и политических сил, как воплощение стратегий власти, а сам научный текст интерпретируется как самодостаточная форма репрессии. Постмодернизм провозглашает финал утопической эры, ориентировавшейся на одну истину, один образ мира, один художественный способ, либо одну научную методологию. В постмодернизме объективный образ мира сменяется его представлением в социальных и лингвистических конструкциях, определяемых социальными процессами, отягощенных идеологическим выбором участников и структурой властных отношений. Знание не содержит образов реального мира, оно состоит из конструкций, построенных на основе когнитивных интерпретирующих схем.

Философия постмодернизма создает общий интеллектуальный фон пересмотра классического концепта субъекта, столь проблематичного и существенного для парадигмы мышления Нового времени. В постсовременном мире идентичность становится основным дискурсом как науки, так и повседневной жизни. Это происходит, прежде всего, потому, что в нынешней культурной ситуации кардинально изменяются механизмы продуцирования идентичности, ее поиск и становление становятся перманентным процессом, а следовательно, проблематизируются. По словам З. Баумана, «разговоры об идентичности и о связанных с ней проблемах сегодня слышатся чаще, чем когда-либо в Новые времена, и поэтому правомерен вопрос, не отражает ли теперешняя обеспокоенность общее правило, согласно которому вещь замечают лишь когда она пропадает, перестает работать или разваливается»⁹. Центрированное и иерархичное социокультурное пространство современного общества в ситуации постсовременности становится совокупностью локальных и слабо скоординированных процессов. Это коренным образом изменяет способы идентификации человека. Если в эпоху модернизма человек был озабочен построением идентичности, а также ее поддержанием, то теперь приоритетной становится задача избежать ее окаменения, превращения в нечто раз и навсегда фиксированное. Суть жизненной программы современного человека — не построение идентичности, а избегание всякой фиксации социального места, времени, позиции. Жизненный мир современного человека отличается «хаотизацией» ценностей, расшатанностью их былой иерархии, многозначностью связей между целями, средствами и результатами поступков. По сути дела на месте субъекта оказывается лоскутное одеяло персоны с потенциально спутанной идентичностью и умаленной персональностью.

Можно сказать, что постмодернистская и постструктуралистская критика западноевропейской метафизики с ее логоцентризмом, обнаружение за всеми культурными продуктами и мыслительными

схемами языка власти и власти языка предполагает не просто расширение традиций «школы подозрения», но скорее ее радикализацию. Тотальность подозрения приводит к тому, что ставится под сомнение не только сама реальность, отягощенная множественными симуляциями, которая понимается как бесконечная возможность интерпретаций, и даже не только человеческая субъективность, созданная в сознаниях «супертекста», но и сама подозрительность как таковая. В результате возникает смысловое «поле подозрения», которое способствует превращению замыслов и ценностей в симулякры и заведомо ложные идеологемы.

Рефлексивность постсовременности: подозрение vs доверие

Более оптимистичный прогноз развития трендов Модернити дается в рамках альтернативной версии осмысления современности (представленной П. Вагнером, Э. Гидденсом, Ю. Хабермасом), где последняя понимается как более интенсивная реализация тех тенденций, которые были уже изначально заложены в самой природе модерна. Современное состояние западных обществ определяется ими не как «постмодерн», а как «поздний модерн» (Гидденс), или «незавершенный модерн» (Хабермас). Они отмечают, что постмодернистская (радикальная) критика модерна является не только противоречивой, но и непродуктивной, поскольку остается невосприимчивой к амбивалентному характеру модернизации. На самом деле тезис «конца Истории» является лишь превратно выраженной констатацией изжитости телеологической модели истории. Положение о «смерти субъекта» является, с их точки зрения, лишь искаженным осознанием того, что личностная идентичность не является естественной данностью, а имеет вид социальной конструкции.

Важнейшей характеристикой современного общества в данной парадигме становится его рефлексивность, тесно связанная с возрастающей неопределенностью и ощущениями неуверенности в завтрашнем дне. В широком смысле слова рефлексивность является неотъемлемой чертой любого социального действия (человек, совершая обыденные действия «знает», что он делает), однако в современном обществе она получает особый характер — социальные практики постоянно критически оцениваются и трансформируются в свете поступающей о них информации. Распространение неопределенности во многом обусловлено беспрецедентной детрадиционализацией глобализирующегося общества. Как отмечает Гидденс, уже общества раннего модерна отличаются попытками эмансипации от прежних традиций, однако некоторые важные элементы социальной жизни людей (в частности, семья и сексуальная идентичность) до недавнего времени находились под определяющим влиянием патриархальных традиций. В обществе же позднего модерна эта тенденция становится более радикальной.

Благодаря возросшей степени рефлексивности люди больше не воспринимают традиции как «естественный порядок вещей», а значит, они теряют свою безусловность. Детрадиционализация выражается в радикальных изменениях социальной структуры, роли и значения социальных институтов, ролей, норм и ценностей, причем это касается глубинных структур, оказывающих непосредственное влияние на формирование идентичности человека. Место традиций занимает индивидуализация, которая затрагивает как объективные аспекты жизнедеятельности (жизненные ситуации), так и субъективные (сознание и идентичность).

С одной стороны, подобная индивидуализация подрывает основы «онтологической безопасности». При отсутствии безусловных авторитетов индивиды должны самостоятельно принимать решения, исходя при этом из множества альтернатив. С другой стороны, такая позиция составляет оптимистическую альтернативу тезису постмодернистов о «смерти субъекта». Рост рефлексивности (детерминирующий потерю прежних форм идентичности) позволяет индивидам самостоятельно формировать те аспекты социокультурной идентичности, которые прежде предопределялись влиянием традиций. Человек в ситуации постсовременности является носителем «рефлексивных биографий», которым присуще нетиповое планирование жизни самими индивидами, избирающими ту социальную группу и ту субкультуру, с которой они хотели бы себя идентифицировать. Кроме того, возрастание подозрения к существующим социальным структурам инициирует появление новых механизмов формирования доверия.

Рефлексирующая современность, стимулируя проявление субъектности и активной гражданственности, способствует формированию разных типов сообществ (коммюнити), активизирует механизмы коммуникации, прокладывая дорогу к пониманию Другого. Таким образом, подозревая себя, человек оказывается восприимчивым к иному, на первый план выходит логика дополнительности, в основе которой лежит принцип «оба — и», по сравнению с логикой стабильных бинарных оппозиций, строящейся на принципе «либо — либо». Подобная контекстуальность субъективности не влечет за собой деструкцию субъекта, поскольку радикализация подозрения, уничтожив прежние «вертикальные» различия подлинного и неподлинного, делает возможным новые «горизонтальные» дистинкции с установлением смысловых связей между ними.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Библер В.С. Из «заметок впрок» // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 21

² См.: Лосев А.Ф. История античной философии. — М., 1989. С. 62 — 64.

³ Кимелев Ю.А. Ален Турен. Критика модерна. *Touraine A. Critique de la modernité.* – Р., 1992 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. Реферативный журнал. 1998. № 4. С. 10.

⁴ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М., 1995. С. 232.

⁵ Гуссерль Э. Собр. соч. Т. 1. – М., 1994. С. 8.

⁶ Рормозер Г. Ситуация христианства в эпоху «постмодерна» глазами христианского публициста // Вопросы философии. 1991. № 5. С. 80.

⁷ Рорти Р. Послесловие: прагматизм, плюрализм и постмодернизм // Историко-философский ежегодник. – М., 1998. С. 176.

⁸ Пржиленский В.И. Словарные статьи // Философские науки. 2010. № 2. С. 145.

⁹ Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 133.

Аннотация

В статье подозрение рассматривается как необходимая составляющая рефлексивности, а, значит, познания мира и конструирования собственной идентичности. Обосновывается идея о том, что возникновение современности, связанное с формированием рационального субъекта, закладывает основы для традиции подозрения. Подчеркивается, что постсовременность ведет к радикализации подозрения, что инициирует появление новых механизмов доверия.

Ключевые слова: подозрение, рефлексивность, субъект, рациональность, современность, постсовременность, доверие.

Summary

The article sees suspicion as a necessary component of reflexivity, which means world cognition and identity construction. It substantiates the idea that the birth of modernity with the formation of the rational subject started the tradition of suspicion. It is emphasized that postmodernism leads to the radicalization of suspicion, which initiates the emergence of new mechanisms of trust.

Keywords: suspicion, reflexivity, subject, rationality, modernity, postmodernity, trust.